

Николай Ольков

*Хлеб наш
насущенный*

Собрание сочинений. Том 9

Николай Максимович Ольков
Хлеб наш насущный.
Собрание сочинений. Том 9

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22203416

ISBN 9785448354335

Аннотация

Пресловуемыми реформами деревня доведена до края. А край – это гибель. Кормилица страны, за счет своего голода и холода поднявшая мощную советскую индустрию, она оказалась никому не нужна. А я против! И пишу роман, который можно назвать утопией, но верю: придет время, когда любящие сыны вернутся и вспашут бурьяны на полях, и вырастят хлеб, и разведут скот. И улыбнутся люди, и детский смех спугнет мертвечину, ждущую своей доли.

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

79

Хлеб наш насущный
Собрание сочинений. Том 9
Николай
Максимович Ольков

© Николай Максимович Ольков, 2016

ISBN 978-5-4483-5433-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

– Бывакин, сразу после развода зайди к начальнику по воспитанию!

Сухопарый дневальный выкрикнул и повернулся к тумбочке. Старший по бараку, одетый в приличную тюремную робу с повязкой на рукаве, ткнул кулаком дневальному в лицо:

– Сколько вас учить, падло, чтобы правильно выговаривали!? Ты бы его еще гражданином или товарищем назвал. У всех вас, суки, только одно прозвание: зек, заключенный. Повтори приказ!

– Понял. Все мы с одним прозванием...

– Дурак! – он еще раз легонько ткнул в ухо, а дневальный уже до того вытирал кровь, которая сиротливо капала на грудь замызганной куртки. – Повтори по Бывакину!

– Понял! Заключенный Бывакин, после развода к начальнику по воспитанию!

– Вот так! Бывакин, ты понял? Тебя переведут в настоящую колонию, это тебе не малолетка. Я бы тебе дал наколочку, готовь пузырь, скажу, кому в ноги упасть, тогда жить будешь, а если как тут начнешь пальцы гнуть, головушку завернут сразу, как куренку. Иди.

Бывакин прошел быстрым шагом, голова приподнята, лицо безразличное, но настороженное, стрижен наголо, свежие

красноватые шрамы украшают голову с обеих сторон, лицо скуластое, нос тоже подправлен, чуть вправо, глаза серые, внимательные, губы плотно сжаты, а за ними скрыты проемы от трех зубов, потерянных за два неполных года в детской колонии. О скором переводе «в настоящую колонию» он знал, потому что исполнилось восемнадцать лет, а в «детском садике» дальше не держат. Там ему отбывать еще два года.

Развод занятий окончился быстро, отряды неровными колоннами пошли в столярку, в пошивочный цех, только одна колонна свернула в столовую. Есть будут по очереди, последним может не хватить, тогда у столовки поднимут крик, прибегут начальник столовой и дежурный по зоне, могут выдать несколько булок хлеба и кусок маргарина. А могут и не выдать, могут построить и отправить на работу. И такое случилось. На тот случай у каждого бывалого есть в записке кусочек хлеба – подсохший, пахнувший мышами и махоркой, но – хлеб, его ничем не заменишь.

– Бывакин! Родя! – земляк, из одного района, Толя Фрол, подбежал, лицо в слезах. – Сказали, что вас семерых повезут на взрослую зону. Я тосковать буду один-то. Полгода еще. Прощай, может, доведется встретиться.

Начальник всем семерым объявил о переводе, предупредил, что в лагере с ними цацкаться не будут, там правила строже.

– Ну да, мы тут как в пионерском лагере жили, – усмех-

нулся здоровый мордатый паренек.

– Ребята, я вам прямо скажу: зона та не самая благополучная, произвола много, так что держитесь ближе к администрации, – словно по-товарищески советовал майор.

– Это как, в стукачи сразу записываться? – парень откровенно лез на рожон.

– Ну вот, Кожин, опять ты бузишь. Не в стукачи, а нужную информацию о настроениях в бараке сообщить – твой долг. Понял?

– Долгов не имею, гражданин начальник, за долги и перо могут вставить.

– Ну, с тобой, Кожин, говорить бесполезно. Хочу Бывакину подсказать. Ты парень толковый, но гордыню смирить придется. Есть в отряде начальник, есть авторитет, они следят за порядком, и тут никуда не поперешь. Молчи, но делай, что велено. Не перечь. Если что, то и администрация не поможет. Говорю вам это, ребята, потому что жалко вас. Самое главное – не потеряйте себя, не купитесь на обещания сладкой жизни на воле. Все, свободны.

На сборы осталось часа четыре, конвой будет в двенадцать, так что пожрать уже не удастся, а на новом месте хлебом-солью встречать вроде бы не должны. Родион собрал котомку и ушел за столярку, в стороне навалены стружки и опилки, прилег, чтоб не видно было от барачков. Почти два года здесь, а так и не привык. Друзьями не обзавелся, а врагов нажил быстро. На первой же неделе угодил в кар-

цер, потому что троих избил подвернувшейся арматуриной. Те его повоспитывать подловили, тоже не с пустыми руками, а он крутанулся на месте и кусок железа словил, а с такой снастью быстро всех троих уработал. Кто-то свистнул, разбираться не стали, ты бил, ты и виноват. Родион понимал, что доказать ничего не сможет, как и дома, в той драке, за которую получил четыре года по малолетке. Да, складешок из кармана выдернул, но даже раскрыть не успел, свалил его верзила из старших классов, который проходу не давал, все выблядком звал. Он не понимал смысла, но грязь этого слова чувствовал, кинулся к матери, она вытирала его и свои слезы и шептала: «Терпи, сынок, наше горе, нам и переживать. Не гневи людей, прощай им обиды, ребятишки поддразнят да забудут». Не забывали, на каждой перемене звали громко по этой кликухе, при девчонках, он долго терпел, а тут обида застила свет, выхватил ножичек из кармана и кинулся на обидчика. Что дальше было – не помнит. Забрали в милицию, держали два месяца, а потом суд и сюда. Теперь вот перемена. Родион спокойно ждал своей участи, на новом месте будет тяжело, работать придется, ребята говорили, наравне со взрослыми, режима он не боялся, драк тоже, если за правду. Только вот как ее узнавать, если у каждого своя правда?

Всю группу пополнения отправили на третий этаж большой кирпичной тюрьмы. В камере трое обитателей даже не поздоровались, один встал и молча указал на свободные

двухярусные койки у самых дверей. Родион сразу закинул свой матрас на верхнюю, чтобы не заводить спор.

– Э-э-э, пацан, а ты что такой согласный, сразу на верхнюю шконку? Не смелый, что ли? – спросил худой и бледный парень.

– Мне наверху больше нравится, – односложно ответил Бывакин.

– Подойди сюда. – это сказал полулежавший на подушках пожилой зек, был он в просторных светлых штанах и расстегнутой серой безрукавке.

Родион подошел, мужчина сел на койке, внимательно на него посмотрел:

– Твоя фамилия Бывакин? Был бы в годах, самое подходящее погоняло – Бывалый. Но тебе еще рано. Имя?

– Родион.

– Родя. Будешь Родя, понял?

– Понял.

– Мне про тебя сказали хорошие люди. Сколько раз в камере отдыхал? Он у вас по-другому как-то?

– Семь раз, тридцать три дня.

– Уважительно. Меня будешь звать Доктором. Рыжий, своди ребят на кухню, скажи, чтобы покормили. Родя, собери вот это барахло со шконки и унеси под порог, а сам сюда перейди. Ну, это после обеда.

Бывакин хотел спросить, чье это место, но вовремя одумался: никаких вопросов, если надо – скажут. Но по дороге

на кухню Рыжий прогундел:

– Приглянулся ты Доктору, видишь, меня под порог, а тебя к себе ближе. Он любит поперешных, про тебя ему утром еще шепнули.

Бывакин ничего не ответил. После чашки теплой каши и кружки чая на душе стало веселее. Доктор велел застелить постель и лечь спать, он лег поверх суконного одеяла и сразу уснул. Ему приснилась степь, какой он ее представлял на уроках географии: ковыль растет выше колена, волнами колышется, а по этим волнам идет девушка в цветном халате, идет прямо к нему. Родион присматривается, но узнать не может, говорит себе, что не наша деревенская эта девчонка, а когда ближе подошла, Родион засмеялся: чужая совсем, смуглая, скуластая, глаза черные с прищуром. Остановилась, смотрит на Родиона и тоже улыбается. Он хотел спросить, что это за степь и откуда девчонка тут появилась, но не успел, кто-то тронул его за плечо.

– Что приснилось, Родя, что ты так улыбался, будто по удо освободился? – Доктор подал ему горячую кружку с чаем: – Хлебни пару глотков, это чефир. Приходилось?

– Редко. За чефир сразу в шизо на сутки.

– Пей, я разрешаю.

Бывакин сделал два глотка, вязкая жидкость заполнила рот, язык онемел, голова зашумела. Такого он еще не пробовал, передал бокал и зажал руками голову.

– Возьми соль на язык, полегчает. Теперь слушай. Будешь

при мне. Это я после объясню, для чего. Работать будешь только на кухне, это в тепле и всегда сыт. Мне будешь три раза жратву приносить, повара знают. Если кто-то невзначай обидит, даже из вертухаев, скажешь. Ни с кем не базарь, только по делу. Читать умеешь? Вечерами будем с тобой читать вроде как романы, в них интересная жизнь описывается. Я такой жизни не видел, потому интересно. А сейчас иди, скоро построение на ужин. Никуда не отлучайся, чтоб от переклички не отстать. Пошел!

Жизнь стала налаживаться. Покровительство тюремного авторитета Доктора было и благом, и наказанием. Доктор сразу предупредил, что рядом с ним и надежно, и опасно, потому что у него тоже есть враги. Бывакин это быстро почувствовал. На кухне месяца через три появился зек со шрамом через все лицо, по щеке и на лоб, шрам старый, и когда зек Рваный негодовал, но не мог проявить своих чувств, в себе держал, шрам выдавал его, багровел и надувался. Бывакин не видел, он учуял неладное и непроизвольно отпрыгнул от плиты, с которой с грохотом свалился котел с кипятком. Родион вскочил на кучу дров, и волна горячей воды его не достала. Отпрыгнувший в другую сторону Рваный выругался матом и прикрыл шрам рукой, знал, сволочь, что рана выдаст.

– Ты зачем котел столкнул, подстилка Докторская? Ты меня ошпарить хотел!

Рванный замахнулся, но Родя ловко перехватил руку и заломил ее, повалил Рваного в грязь кухни. Дверь распахнулась, и влетели два надзирателя с дубинами, видно, под порогом стояли. От удара дубинкой по спине Родя выгнулся, отпустил жертву и сходу сбил надзирателя с ног. Потом его били дубинками и сапогами, очнулся он в карцере, едва разлепил глаза от засохшей крови. Лежал, проверяя осторожными движениями, целы ли руки, ноги, позвоночник. Везде ждала боль, но он уже умел ее переносить спокойно, лишь бы не было переломов. За этим занятием его застали дежурный и врач.

Врач помог раздеться и все качал головой:

– Как же ты мог сорваться с такой верхотуры? Ты же мог насмерть разбиться. Тут болит? А тут? Похоже, товарищ капитан, переломов нет. А что с головой? Шумит? Еще бы! С такой высоты – и остался жив. Это просто чудо. Идти можешь? Пойдем в санчасть. Понимаешь, охрана думала, что ты пьян, и отправила в карцер. Бывает, знаете ли. Пошли.

Бывакин понял, что про верхотуру придумали вертухаи, чтоб не разбираться, упал, разбился, никаких вопросов. Знали, что воспитанный малый, звонить не будет. В санчасти санитар из зеков помог помыться, дал чистое белье, довел до постели. Раны и ссадины смазал какой-то вонючей пастой, кое-как перевязал. И тут вошел Доктор. Санитар исчез.

– Я все знаю, Родя. Рваный не тебе первому гадости устраивает, он моих людей постоянно гнобит. Но сегодня был перебор. Я запретил тебя трогать. А он ослушался, тронул. Ответит. Тебя хочу похвалить. Ты постоял за себя перед вертухаем, я тут пятый год, за все время третий случай, когда зек ударил это дерьмо. Вся зона будет тебя уважать, а ты будь осторожен, надзиратели могут отомстить. Я говорил сейчас с Хозяином, он обещал предупредить своих. Но это же мусора, ни одному слову нельзя верить. Я сказал, что не дай Бог! – всю зону подниму. Этого они боятся. Ладно, лежи. Будешь долго лежать, я тебе книжки принес, посмотри.

За последние два года у него не было столько свободного времени. Его кормили, делали перевязки, врач учтиво спрашивал, как дела и предупредительно информировал, что выписывать его не собирается и никто не торопит. Родион не мог найти объяснения, с какой стати авторитетный вор Доктор сделал его своим приближенным и теперь уже открыто защищал перед своими недоброжелателями. Ведь ничем особым он не отличался от других молодых зек, были и сильнее его, и лицом красивее. Сам для себя он сделал предположение, что Доктора привлекла информация из детской колонии, что на зону приходит молодой и непокорный зек, а Доктор, видимо, уважал гордость и самолюбие. Но это его догадка, а спросить не у кого. Родион понимал, что не просто так пригрел его Доктор, да он и сам обещал позже все объяснить. Наверное, вот это имел в виду заме-

стититель начальника колонии для несовершеннолетних, когда предупреждал, чтобы не попали ребята под дурное влияние.

Принесенные Доктором книги оказались толкованиями уголовного кодекса, видно было, что Бывакин далеко не первый читатель, потому что на каждой странице он находил подчеркивания, галочки на полях, а то и целые абзацы были обведены жирными рамками. Читиво не особенно интересное, но Родион опасался, что Доктор может устроить проверку, а выглядеть глупо не хотел, потому читал, особое внимание обращая на уже отмеченные места.

Поздно вечером пришел Доктор. В палате никого не было, да и Родион уже задремал, привыкший к свободной жизни. Доктор позвал дежурного санитаря и велел ему погулять с полчаса. Остались одни.

– Родя, я обещал тебе чуть позже объяснить, для чего ты мне нужен. Я давно за тобой слежу, в вашей колонии был мой человек. Он должен был найти паренька серьезного, надежного, честного и прямого. Когда он назвал тебя, я узнал твое дело, понял, что ты мне подходишь, и все время знал, что у тебя и как. Да, твоей маме я каждый месяц отправляю небольшие деньги, как будто от тебя. Я ждал, когда тебя переведут к нам. И вот мы встретились. Скажи мне, Родя, ты действительно честный и порядочный человек? Именно в тех смыслах этих слов, которые заложены в них изначально? Я могу тебе доверять полностью и до конца? Не спеши. Это очень важно.

Бывакин молчал, дожидаясь следующего вопроса.

– Ну, говори.

– Вы можете мне верить, я сделаю все, что вы прикажете.

– Этого достаточно. Если ты меня обманешь, я повторю тебе эти слова перед тем, как убить тебя. Но – это крайность, до которой, я уверен, дело не дойдет. Слушай внимательно. Этот город (он написал на клочке газеты название, дал прочитать и тут же сжег) ты знаешь хорошо, потому запомни улицу (написал: «Заслонова», и тоже сжег). Там есть гаражи, со входа вправо седьмой бокс. Висячий замок замотан промасленной тряпицей, внутренний забит литолом, чтоб не заржавел. Ключи найдешь под правым углом ворот, надо будет сбить разлитый бетон и копнуть на два штыка. Ключи тоже упакованы. В гараже смотровая яма, в ней несколько ниш, углублений, ключи положить при ремонте и прочее. Самая дальняя от входа с правой стороны ниша, раскапываешь ее и достаешь кожаный портфель. В нем доллары, Родя, в тот момент ты будешь самым богатым человеком в городе. Но деньги понапрасну не трать. Будешь брать по потребности, отчет представишь мне лично. Я смогу откинуться только через два года. Ты меня понял?

Бывакин четко сказал:

– Понял. Но у меня вопрос: если вы через два года выйдете, какой смысл мне забирать эти деньги?

– Я знал, что ты это скажешь. Дело в том, Родя, что в Иркутске сидит человек, который знает эту тайну. Его погоня-

ло Жмых. Он освободится раньше меня, и тогда можно забыть о заначке, он меня кинет, а потом просто уберет. Я договорился с начальством, на тебя уже готовы все бумаги, их принесут в санчасть и ночью тебя вывезут в город, в машине переоденешься в простой костюм и сразу на вокзал, езды до того города шесть часов. Еще вопросы?

– Есть. Те, кто повезут, не вздумают выдавить из меня тайну? – Бывакин слышал про подобные истории.

– Нет. Просто они ничего не знают. Но с вокзала ты дашь вот эту телеграмму, тут все написано, что надо. Это начальнику тюрьмы. Я сразу буду знать, что все нормально. А эти люди – они сразу вернуться в зону. Утром будет объявлено, что ты сбежал. Надо сбить со следа моих конкурентов. Они понимают, что ты не случайно около меня появился, потому и чан с кипятком и прочее. А так – сбежал, и все тут. Я свою роль отыграю, чтобы они не подумали даже, что тайна уже за воротами тюрьмы. Все, я пошел. Санитару скажу, что он меня не видел, если жить хочет. Не прощаюсь, Родя, уверен, что мы с тобой встретимся. – Он пристально посмотрел в глаза паренька.

– А как вы меня найдете? – вдруг вскинулся Бывакин.

– Родя, не задавай смешных вопросов. Главное, будь в этом городе. Все.

Он резко встал и хлопнул дверью. Через минуту вошел бледный санитар.

– Ты что такой? – спросил Родион.

– Показалось, что Доктор был, а оказывается, он тут не появлялся. Даже испугался.

Бывакин повернулся на бок и подумал: «Вот и началась воровская жизнь. Это тебе не складешком деревенских ребятишек пугать. Зачем Доктор мне про город объяснял, ведь он же в курсе, что это рядом с домом, раз деньги переводил по адресу. А может и не сам, потому и не в курсе». Но уснул сразу, сбросив напряжение серьезного разговора.

Ночью стукнули в окно, Бывакин ждал этого сигнала, вышел из санчасти. Двое мужчин толкнули его вперед, в глубине двора виднелась машина, шли к ней. Посадили в салон, дали одежду и пакет с бумагами. Машина тронулась, прошли проходную, выехали на трассу в город. Одевался на ходу, пакет спрятал во внутренний карман куртки. У вокзала его высадили. Никто за всю дорогу не сказал ни слова. Родя быстро прошел в туалет, открыл пакет, вынул справку об освобождении и деньги. Немного, но на билет и пожрать хватит. В окошко телеграфа сунул заполненный бланк, заплатил и прибрал в пакет квитанцию. Билет купил в плацкартный вагон, в буфете пожевал пирожков с горячим чаем. В вагоне запрыгнул на верхнюю полку и сразу уснул. Да, Доктор знал, что это его город, областной центр, от которого до родной деревни три часа на автобусе. Из школы сюда

ездили на соревнования, просто поболтаться по магазинам и киношкам.

Прожив на свете восемнадцать лет, Родион Бывакин никогда не вспоминал прошлое, жизнь в деревне, мать, друзей, школу. Но он никогда не задумывался и о будущем. Или кто-то ему подсказал, или сам догадался, что на зоне для несовершеннолетних действуют те же порядки, что и в большой тюрьме, что надо вести себя так, чтобы ни у кого не было к тебе претензий, чтобы ты никому не мешал, никого не раздражал. Родион быстро понял, что в жизни так не бывает. Из ста человек всегда найдутся два-три, которым ты просто не нравишься: не так ешь, не так спишь, не так сидишь на очке. Могут предъявить, тогда надо ответить или сразу драться. Вспыльчивый и самолюбивый паренек никогда не дожидался крутого наезда, сразу сбивал главаря, а потом – кому как повезет. До суда ему говорили, что на детской зоне нет карцера – хотел бы Родион сейчас взглянуть в глаза того сердобольного адвоката, который так и не сумел ухватиться за случайную проговорку прокурора, что подсудимый, к счастью, не успел раскрыть нож. Суд мог пойти по-другому, это ему потом объяснили, но дело сделано, свое время до совершеннолетия он отсидел.

Место Доктора в своей судьбе он так и не мог определить. Не просто так авторитет добился его условно-досрочного освобождения, дал столь серьезное задание. Разве у него не было выбора? Ого, еще какой, каждый бы согласился

за удо посторожить заначку Доктора. Но он выбрал Бывакина, да еще заочно. Что такое он про него знал? Проверил и поверил. Родион не стал спрашивать, как он станет хранить такую кучу баксов, и уже в поезде решил, что Доктор не стал бы возражать против снятия отдельной квартиры. А потом вдруг подумал: город большой, всякого люду полно, просочится что-нибудь про бабки – на ремни порежут, мать начнут казнить, выдают правду. Если в живых оставят, что Доктору скажешь? Ему все равно, не сумел исполнить – отвечай. И слова повторит перед смертью, как обещал. Потому решил: найду деньги, и сразу в деревню, там можно надежно спрятать, да и кто искать будет?

На улице Заслонова побывал несколько раз, присмотрелся: гаражи обитаемы, но с утра все уезжают в город или на дачи. Прошелся рядом с седьмым боксом – вход травой зарос, а вот белесый блин бетонной заплатки чист. Три дня просидел в кустах напротив въезда, вычислил, когда дежурит пожилой алкаш, он приходил утром с похмелья и целый день спал в своей конуре. Бывакин нашел в заборе пробоину, просунул лопату, сам пролез, ободрал кожу на плече, быстро и осторожно прошел к седьмому боксу, сбил бетон и вдавил лопату в землю. Копал быстро, постоянно оглядываясь. Теперь выбора не было, даже кто и спросит, то надо все, что угодно употребить, но ключи выволочь и двери открыть. Лопата зацепилась за клочок кожи, Родион потянул и выдернул сверток. Быстро зарыл ямку и прикрыл цементной лепеш-

кой. Никого. Да и не заметно никаких перемен. Развернув ключи, Родя открыл висячий замок, потом внутренний, чуть приоткрыл половинку ворот и прошмыгнул во внутрь. На коленках просунулся наружу, расправил смятую траву, притянул воротину. Осторожно в полумраке спустился в яму, нашел нужную нишу, стал расширять ее и копать внутрь. Просовывал руку, выгребал землю, но никакого тайника. Нашел под ногами железяку, стал протыкать в глубину и понял, что до свертка всего полштыка лопатных. Опять подрезал грунт, руками выгребал глину, нащупал кусок ткани, потянул, выпал масляный сверток. Размотал ткань, потом бумагу, потом несколько пластиковых пакетов, и в желтом кожаном портфеле увидел то, что искал. Он выкатил на грязные руки скользкие новенькие купюры и удивился: все они были по сто долларов и было их тут столько, что портфель чуток подраздуло. Бывакин сунул портфель под куртку и вылез из ямы.

Он оцепенел, когда дверь гаража открылась, и в проеме оказался сторож-алкаш с железным прутом в руках.

– А я слышу – кто-то возится в боксе. Думаю: машины нет, хозяина вообще не видел ни разу – кто же там может быть? А тут грабитель!

Парень быстро нашелся:

– Какой я грабитель? Да и что грабить? Дядя сказал, что от жены прятал несколько бутылок водки, все обыскал, только одну нашел.

– Где она? – живо поинтересовался сторож.

– Вот, – он вынул из кармана бутылку и похвалил себя, что на всякий случай припас.

Сторож возмутился:

– Тогда какого хрена тут стоять? Пошли ко мне.

Вышли, Родион закрыл оба замка, а сторож был уже у своей будки.

– Иди сюда, – позвал он, пряча бутылку за пазухой, чтобы кто из водителей не заметил.

Парень махнул рукой:

– Нет, пей один, меня друзья ждут.

В автобусе он восстановил все, что произошло. Старик в темноте бокса не мог разглядеть его лицо, а потом Родион все время старался держаться спиной к воротам. К тому же вязаная шапочка, которую он быстро опустил на глаза, хорошо его укрыла. Сторож сейчас выглотнет этот пузырь и навсегда забудет, кто его угостил.

На рынке купил джинсовый костюм и спортивные туфли, за углом переоделся, старую одежду бросил в крапиву. В тот же день уехал в деревню,

Давно ли в милицейском уазике возили Родиона Бывакина по этой дороге, а как многое изменилось! Поразился, что придорожные увалы, когда-то гудевшие спелым коло-

сом, заросли бурьяном. На заливном лугу, где он пацаненком вместе с друзьями возил копны сена к стогу, который умело укладывал дядя Ваня Лопушонок, было безлюдно, в разных местах сиротливо торчали копны. А тогда густо стояли стога, и с дороги, с вышины, могло причудиться, что кто-то большой и сильный так расставил их по лугу.

На зоне, которую начальство называло воспитательной колонией, осужденного определили в восьмой класс, он ухватился за учебу, как за спасение от безделья в свободные от работы часы. Именно тогда возникали карты, появлялся странный дурмящий табак, возникали кем-то спровоцированные драки. Родион уходил в свободный класс и читал книги из большого пыльного шкафа, тут и застала его учительница литературы и русского языка Анна Викторовна.

– Бывакин? А я заметила, что книги в шкафу меняются местами, значит, кто-то же их переставляет? Что читаешь? Бунина? Странно, – она с улыбкой смотрела на паренька. Он ответил односложно:

– Нравится.

– А что тебе в нем нравится? – не унималась учительница.

– Не знаю. Читаю, и мне хорошо, забываю, что в неволе.

– Сколько тебе лет, Бывакин?

– Семнадцать, – ответил Родион и смутился.

– А сидеть еще?

– Много...

Она обняла его за голову и прижала к груди:

– Бедный мальчик!

Бывакин быстро высвободился:

– Вы что, Анна Викторовна, а если ребята увидят?

Анна Викторовна смущенно улыбнулась:

– Что ж ты такой пугливый? Не разу девушек не обнимал?

Родион промолчал. Он все еще ощущал на своей щеке ее мягкую грудь и ласковые пальцы на шее.

– Бывакин, я живу в доме по ту сторону забора. Купила шкаф, а собрать некому. Ты мне поможешь?

Родион улыбнулся, он до сих пор не бывал «по ту сторону», казалось, что это недосягаемый, запрещенный ему мир.

– Кто меня пустит? – обреченно ответил зек.

Анна Викторовна обрадовалась:

– Ты согласен? Я договорюсь. Мне начальник разрешит.

Родя огляделся по сторонам:

– Анна Викторовна, только чтобы никто не знал, засмеют.

Она сказала после урока, что в шесть часов он должен быть у проходной. Воспитатель в группе будет знать и не потеряет.

Бывакин подошел к проходной, Анна Викторовна подала дежурному бумажку, тот кивнул и напомнил:

– В девять быть на месте, иначе побег. Понял?

– Он все понял, – ответила за него Анна Викторовна.

Прошли вдоль забора, повернули на асфальтированную дорожку, вошли в подъезд двухэтажного дома. Анна Викторовна открыла квартиру, пропустила гостя и включила свет.

Большая комната, кровать, шкаф, кресла.

– А что собирать? – спросил Родион.

Анна Викторовна подошла к нему и ладошками осторожно коснулась щек:

– Бывакин, ты такой славный, такой красивый. Вот полотенце, в ванной титан подтоплен, помойся горячей водой, а я тебе белье чистое приготовлю, – она опять крепко его обняла.

Парень пытался сопротивляться:

– Анна Викторовна, нас позавчера в баню водили.

Она отпустила его, чмокнула в щеку, взяла под руку:

– Пошли, я открою тебе воду, глупенький.

Родион помылся и насухо обтерся полотенцем. Чистые трусы и футболка, спортивные штаны лежали на табуретке. Оделся, снял крючок, вышел. Анна Викторовна уже была в светлом халатике, цветную косынку мяла в руках.

– Бывакин, Родик, ты такой большой, настоящий мужчина. Голодный, правда?

Родион ответил:

– Нет, нас в обед кормили.

– Родик, обними меня, я совсем про другой голод...

...В половине девятого звякнул будильник.

– Я включила, чтобы ты не опоздал. Я бы ни за что не очнулась. А ты? Родик, милый мой, я тебе не нравлюсь? – с придыханием спросила Анна Викторовна.

– Нравишься. Только я тебя стесняюсь, – смутился Быва-

кин.

Она опять крепко его обняла:

– А в постели ты был настоящим мужиком, не особо стеснялся своей жертвы.

Парень окончательно потерялся:

– Простите, если что не так. В другой раз другого вызовите.

– Родик, милый ты мой, да ты мне люб и приятен, ни на кого не променяю. Да, вы с ребятами про женщин говорите? – вдруг спросила Анна Викторовна.

– Бывает, – пожал плечами Бывакин.

– А ты про нас не рассказывай. Я тебя часто буду вызывать. Начальник колонии мой дядя. Я с мужем развелась, жить негде, вот он и предложил, работу и квартиру. Родик, милый, тебе нравится со мной?

Парень не знал, что сказать, ему не с чем было сравнивать, помолчал, пытаясь осмыслить, что случилось с ним за эти два часа, улыбнулся:

– Я не помню почти ничего.

– Родик, зови меня Аннушкой, когда мы одни. Согласен?

Родион кивнул.

– Ну, что же ты такой упрямый! Ты же мужчина, Родик, сильный мужчина, а я твоя рабыня здесь, в этой комнате. Ну, не молчи, милый, – и принялась целовать его в губы, в шею, в грудь.

Он чувствовал, что помутилось в голове, подхватил жен-

щину на руки, крепко прижался к горячему телу:

– Аннушкой буду звать, обнимать и целовать буду до безумия, ты такая сладкая, такая вся...

Он бежал эти триста метров, как никогда не бегал, потому что надо было пересечь границу между Аннушкой и тюрьмой не позже девяти. Вскочил в проходную, караульный улыбнулся:

– Как шкаф? Собрали?

– Какой шкаф? – задохнулся зек, потом спохватился: – Собрал. Шурупов не хватило.

– Молодец! – засмеялся караульный, совсем молодой офицер. – А с шурупами у тебя все в порядке. Я живу рядом с Анной Викторовной, она хорошая женщина, ты плохого не думай.

...Бывакин вернулся из приятных воспоминаний. Аннушка приезжала к нему на свидания каждый месяц, но их не оставляли одних, только в присутствии надзирателя. Даже поцеловать ее он мог только при встрече и при расставании, тогда надзиратель снисходительно отворачивался. А теперь надо написать ей письмо, чтобы приехала к нему в город. Летом у учителей обычно отпуск. Только как писать? Там же все знают, что он сбежал. Нет, Аннушка все-равно выпытает у своего дяди правду и будет рада весточке.

В деревне автобус остановился около магазина, Родион выскочил и, не глядя по сторонам, зашагал в сторону дома. Мать поймалась за дверной косяк, бессильно опустилась

на колени:

– Родя, сынок, родно мое...

Он поднял мать, обнял и ткнулся, как в детстве, в плечо, привычно загоня вовнутрь чувства и слезы. Родной дом, печка, полати, крашенный пол, божничка со святыми, его портрет, незадолго до посадки снимал в школе заезжий фотограф.

За столом сидели напротив друг друга, мать вытирала глаза уголком фартука, сын молча ел жареную картошку и припивал простоквашу. Он с детства любил так есть, можно даже без хлеба. Кусок хлеба, домашнего, печеного на поду, по привычке сохранил – на всякий случай. Облизал, как положено, ложку и положил рядом со сковородкой.

– Спасибо, мать.

– Сынок, Родя, ты почто меня матерью назвал? Я ли не мать тебе родная? Ты чему там обучился, в тюрьмах этих проклятущих? – она заплакала горячими слезами, вытираясь подолом фартука.

Родион спохватился:

– Сорвалось, мама, отвык. Не серчай, я теперь взрослый, огрубевший мужик, такая жизнь, мама. А ты как?

Мать вздохнула:

– Как и все, родной. Колхоз наш совсем захирел, платить путем не стали, сено нынче последний год выделили, больше не ждите. А без сена какая корова? Сдам хачикам. А, можа, держать будем, сам-то в доме останешься, сподобимся на од-

ну-то голову?

Родион знал, что в эту сторону разговор повернется, для матери самое главное, чтобы сын рядом был, тем более, что не с приисков явился, а из тюрьмы. Как ей в первый вечер сказать, что он только на пару дней, и снова в город, надо свое место там искать.

– Без коровы не останешься, мама. Я уеду, буду помогать деньгами. Проживешь.

– Родно мое, так денег-то у меня дивно скопилось от твоих переводов. Я самую малость, когда уж совсем ничего, использовала. Да куме Апросинье давала, когда ейного Гриню в цинковом гробу привезли, шептались, что из южной страны, только командиры ничего не велели делать, так и не открыли гроб-то. Сама Апроха до сих пор не верит, что сына закопали. А, можа кирпичи наклали вместо Гриньки-то? Солдатик сопровождал, под стаканчик говорил, что иных на прах разносит бомбой, вот чего вместо него родным отправят? Знамо, что наладут тяжелого, вот и оплакивай. Ой, Родя, не ехал бы ты в чужую сторону! Поди, спознался с жуликами, можа, кого в карты проиграл? Кайся!

Родион улыбнулся, обнял мать:

– Все будет хорошо, мама, не переживай. В карты не играю, жуликов не знаю. Делом займусь.

– Деньги забери, они тебе нужней на первых порах. – И положила перед сыном большую пачку, не скупился Доктор, хорошие приветы слал от сына.

– Родик, а не твоей рукой адрес-то писан. Пошто так? – сурово спросила она.

– Мама, я же не на курорте был, вот и просил людей с воли, чтобы отправили. Деньги прибери, и не куркуй, расходууй, на продуктах не экономь.

А докторские деньги проклятые из головы не выходили, куда их прибрать, пока он объявится? В доме и пристройках исключено, не приведи Бог – огонь, потом рассказывай Доктору про схрон в коровьем пригоне. Лежа в постели, все прикидывал, куда клад заложить. И вспомнил про Гриню, мать говорила, что большой памятник ему из военкомата привезли. Пойти днем, посмотреть, все поймут, что проведаль, а ночью зарыть под памятник. Вечное место. Успокоился, что нашел решение, уснул. Приснилось ему море, тихое, спокойное, даже цвет различает: голубое, с отливом. Плещется, к берегу нежной водой прикасается, а по мокрому песку идет девушка. Присмотрелся Родион – та самая девчонка, что по степи шлялась, ковылем играла. Обрадовался, что-то ей говорит, а она внимания не обращает, идет по берегу и смотрит вдаль. Проснулся, вздохнул с улыбкой: откуда она в его сны прибилудилась? И море, и степь он ни разу в жизни не видел, тоже – откуда? А девчонка красивая, хоть и не наших кровей. Повернулся на бок и уснул, накрывшись сбившимся от старости ватным одеялом.

Через два дня, исполнив все, что наметил, Родион утренним автобусом уехал в город.

Денег из кожаной сумки Доктора Бывакин взял достаточно, чтобы прожить год, если не подвернется подходящая работа. На что он мог рассчитывать, парень без образования, без профессии, со школьным аттестатом, который на прощание принесла ему Аннушка? Посмотрев объявления, он записался в школу автомобилистов, понимая, что права в жизни все равно пригодятся. Занятия начинались вечером, день был свободным, Родион читал, лежа на диванчике в своей скромной квартирке: большая комната, душ, телефон, даже новинку приобрел, сотовый телефон. Правда, звонить особо некому, но пусть лежит. Ближе к вечеру ходил в магазин, закупал продукты на завтрашний день.

Драку он увидел сразу, но вмешиваться не стал, так учил Доктор: «Не твое – не встревай, надо – позовут, да и то подумай». Позвали. Истошный девичий крик: «Они его убивают!» сорвал с места, Бывакин увидел троих парней, упоенно бивших ногами лежащего ничком человека. С разбега сбив двоих, он тут же ударил в горло третьего, тот захрипел, ртом пошла кровь, друзья схватили его под руки и поволокли за угол. Родион подошел к лежащему, тронул жилку на шее – живой. Подбежавшая девушка просила вызвать скорую, кто-то побежал в магазин звонить, он поднял свой пакет и пошел на тротуар.

– Постойте! – окликнула девушка. – Остановитесь, я не успела поблагодарить вас. Вот моя карточка, позвоните завтра после восьми вечера, я буду дома. – Она своей косынкой вытирала кровь с лица молодого человека. Поняв, что он третий лишний, Родион буркнул:

– В это время не могу.

– Хорошо, можно позже, – она с умилением смотрела на спасителя.

– Зачем? – Родион пожал плечами.

– Вы спасли моего брата. Я приглашаю вас в гости. Извините, скорая подошла.

Бывакин вернулся, помог загрузить парня, девушка тоже села в машину, он сообразил, что может подскочить и милиция, а ему эта встреча ни к чему. Быстрым шагом прошел до поворота, посмотрев предварительно, не поджидают ли те трое. Нет, все чисто. Выложив продукты, Родион сел в кресло и достал визитку. «Сопредседатель губернского Императорского собрания Княжна Лада Станиславовна Бартенева-Басаргина». Родион засмеялся: княжеского отпрыска отметилили трое городских хулиганов, а он попал в спасители. Бросил визитку на стол, стал собираться на занятия.

На автобусной остановке заметил одного из драчунов, он огляделся и довольно смело подошел в Родиону. Тот напрягся: что у него на уме, а если перо в рукаве? Но парень улыбнулся:

– Не бойсь, я чистый, – он вынул руки из карманов и по-

казал ладошками вверх. – Разговор есть. Отойдем?

– Только короче.

– Короче некуда. Ты дерешься здорово, а нам нужны такие парни. Я Шура, еще Володя и Леха. Мы эту пару давно пасли, там было что потрошить, да только сумочку девкину урвали да часы с ее шеи успел сдернуть, а тут ты. Давай к нам, нынче есть кого пощупать.

– Часы и сумка у тебя?

– На хате.

– Завтра в десять придешь на это место и все принесешь, а потом базарить будем. Это я пока прошу, – и запрыгнул в подошедший автобус.

Хорошенькое дело – заявиться в княжеский дом с такими подарками, а княжна мила, прямо красавица. Понятно, бедному Роде ничего не светит, но хоть посмотреть на нее в домашней обстановке. Вполуха слушал преподавателя, все вспоминал лицо княжны, но всплывал только ее крик и разбитое лицо братца. Завтра он точно позвонит. А с утра надо заняться собой.

В десять часов он получил сумочку и часы, спросил, не пропало ли чего из дамского, парень зуб дал, что все чика в чичу. Он назначил разговор на пять вечера в кафе «Нирвана». Поехал в приличный магазин для мужчин, положил перед девушкой американскую десятку и попросил одеть его так, будто через час регистрация брака.

– С чего начнем? С белья? – с улыбкой спросила она

– Решай сама, – махнул рукой Родион. – Я в этом деле хуже, чем в любви разбираюсь.

С бельем проще, а вот с костюмами пришлось повозиться. Остановились на светлом итальянском и сером в полоску немецком. Туфли выбрали быстро, нога у Родиона стандартная, положили три пары. Сюда же полдюжины сорочек и столько же галстуков.

– Барышня, ты галстуки завяжи и засунь к тем рубашкам, к которым они подходят, а то я все перепутаю.

Девушка улыбнулась:

– Я бы такого клиента сама с удовольствием одевала.

Родион засмеялся:

– Рискуешь, милая, я парень холостой, могу и прицепиться к слову.

Она тоже засмеялась:

– Цепляйся, я тоже девушка свободная.

Бывакин осмелел:

– Ты когда освобождаешься, ну, в смысле – с работы?

– В восемь.

– Так я тебя встречу – он осмелел.

– Рискни! – в тон ему ответила девушка.

– Риск – моя стихия! – раздухарился Родион.

– Это я по деньгам поняла, – усмехнулась она.

– Проехали. Но я буду встречать.

Княжне он решил позвонить до встречи с продавщицей, все равно занятия сегодня пропали, надо еще с духариками

разобраться, а если княжна пригласит прямо сегодня, то отговорится автошколой.

В пять часов в кафе пришли только двое, третий в больнице, но будет жить. Родион заказал по чашке кофе. Парни брезгливо поморщились:

– Мы с собой прихватили, – шепнул Шура

– Это без меня. О чем базар?

– Есть на примете хата, полная чаша. На выходные хозяева уезжают на дачу. Можно вынести прилично, – похвастал Леха.

– Еще.

– Фраерок один каждый день ездит в банк, сдает деньги. Это в восемь вечера. Возле банка никого. У него портфельчик в руках. Сбить, портфель в зубы, и ходу. Навар!

– Я вам зачем?

– Ты сильный. Нам его быстро не управить, – пояснил Шурик.

– Тогда вы мне зачем? – вполне резонно спросил Родион.

Парни заволновались:

– У нас наколки есть, но мы же тупые в этом деле, нам шеф нужен, чтоб научил драться и всему другому.

– С чего вы взяли, что я тяну на шефа? – поинтересовался Бывакин.

– Ну, по секрету: нам участковый сказал, что ты только что оттуда. Значит, толк знаешь. Бери нас, не пожалеешь. – Шурик уже почти просил.

– Так. Про хату все завтра изложите, до следующей пятницы можно готовить. За фраера вашего ничего не скажу, покажете, я определюсь. Все. Где вас искать?

– В гаражах на Заслонова. Там у нас бокс.

Родион помолчал:

– Не пойдет. Если что – я участковому скажу, он передаст.

Друзья испугались:

– Ты что, слить нас хочешь?

Родион засмеялся:

– Чудаки! Этот мент в любое время на вас собаку повесит.

Ни слова с ним, забудьте. Если потребуется – губной помадой мордочку нарисую на правой стенке остановки. Значит, в тот же день в пять вечера встречаемся. Меня не ищите. Все.

Достав карточку с номером и взяв телефонную трубку, Бывакин вдруг смутился: а что сказать? Былая отвага, подкрепленная модной одеждой и современной стрижкой, вдруг исчезла. Что у них за дом, может, коттедж с охраной, ковры прямо от калитки, испанские боевые собаки в вольерах? И сама она что из себя – княгиня или княжна? А, княжна – значит, не замужем. Хотя ничего княжеского во время той свары он не заметил. Махнул рукой: скажу, что украденное у меня, могу привезти в любое место, а если будет настойчиво приглашать (Родя поймет, если настойчиво) – придется

поехать.

– Я вас слушаю, – приятный женский голос.

– Здравствуйте, меня просила позвонить Лада Станиславовна.

– Одну минутку, пожалуйста, я ее приглашу.

Родион вытер лоб. «Ну, нашел причину волноваться. Избавлюсь от вещичек, и на выход».

– Слушаю вас.

– Это Родион, вы мне карточку дали после драки, а я вещи ваши забрал у грабителей, надо бы передать.

Лада заметно обрадовалась:

– Ваше имя Родион? Это прекрасно. Запишите адрес и сейчас же приезжайте. Я встречу вас около дома.

Родион остановил такси, доехал быстро, около большого полустеклянного дома увидел ее, она была в легкой кофте и домашних туфлях. Увидев Родиона, быстрым шагом подошла и подала руку.

– Согласитесь, Родион, странное у нас знакомство. Сначала вообще никак, потом по телефону, и вот, наконец, живу. Я рада вас видеть, пойдете в дом, папа и мама тоже ждут. Брат уже изрядно поправился, очень вам благодарен. – Она говорила без умолку, Родион даже слова вставить не успевал. Прошли большой вестибюль, поднялись в лифте, в дверях квартиры встретил побитый братец:

– Здравствуйте, Родион, мое имя Гавриил, можно просто Ганя.

– И меня по-простому Родя зовут.

– Замечательно. Проходите.

Да, такого Бывакин в жизни не видел, только в кино. В большой гостиной накрыт огромный круглый стол, вокруг стулья, больше похожие на кресла. Каждое место оборудовано тарелкой, салфетками, ложками и вилками, посередине стола большая посуда под крышкой. Лада представила родителей, довольно пожилых, но отменно выглядевших. «Постарше мамы будут, а как новенькие», – подумал Родион. Про себя повторил: «Станислав Сергеевич и Елена Дмитриевна».

– Молодой человек, вы не стесняйтесь, мы так вам благодарны за помощь нашему сыну, – нараспев сказал отец.

Родион вынул из пакета сумочку и часы. Опять благодарности и приглашение за стол.

– Мне бы руки сполоснуть, – он посмотрел на Гавриила. Тот кивнул, вошли в ванную, на кране Родя не увидел привычного барашка. Гавриил подставил под кран руку, вода потекла. Родион хмыкнул. Гавриил подал чистое полотенце.

Когда сели за стол, вошла молодая девушка в передничке, как официантка, взяла со стола бутылку и всем налила вина. Пока застолье переговаривалось и закусывало, она аккуратно открыла большую посудину и всем налила суп. В ажурных тарелках тонкими ломтиками нарезан белый и черный хлеб. Такими тонкими, что они просвечивали. Родя вспомнил тюремные пайки и улыбнулся. Гавриил налил еще по бокалу

всем мужчинам.

– Молодой человек, вам не кажется, что похожее знакомство уже где-то случилось и описано в одном из великих произведений мировой литературы? – пропел Станислав Сергеевич.

– Да, я читал про такое, вроде «Мартин Иден», а вот автора не помню.

– Ситуация похожа, но не совсем, – опять запел папаша. – Там спаситель был чуть ли не бродягой, а вы элегантный современный юноша. Простите, чем вы занимаетесь?

Родион смутился: сказать, что учиться в автошколе? В такой обстановке? Или рассказать про три года тюрьмы, где и начитался умных книжек, вот, одна даже пригодилась? Надо врать, но аккуратно.

– Я только что приехал из Новосибирска, пришлось расстаться с родителями, они пытались направить меня в медицину. Осматриваюсь, думаю, найду занятие по душе.

Ганя уже ждал минутки, чтобы задать вопрос:

– Родя, мы прошлым летом с ребятами ездили на Байкал, сплавились по речке Селенге, немного, километров сто, потом трое заболели и нас вывезли вертолетом. Ты бывал в тех местах?

– Гавриил, что за фамильярность? Родион наш гость, и я не слышал, чтобы вы договорились перейти на ты! – возмутился интеллигентный папаша, подхватив на вилку солидный кусок семги.

– Папа, мы с Родионом почти ровесники, что нам официоз, правда, Родя?

– Согласен, – кивнул гость.

– Ну, впрочем, дело ваше. А вы, барышня, все молчите? – Отец повернулся к дочери. – На вас это не похоже. Вы у нас такая говорливая.

Лада начала, как будто долго репетировала эту речь, эмоционально, четко выговаривая слова:

– Друзья мои, я так благодарна Родиону за благородство и мужество. Все случилось так неожиданно, эти трое напали на Ганю сразу и сбили с ног, у меня вырвали из рук сумочку и часы с шеи. И тут появился Родион, это было явление возмездия и справедливости. Конечно, он герой, настоящий мужчина. Эти качества чрезвычайно редки сегодня. Думаю, Родион согласится бывать у нас и со временем стать другом семьи.

– Я рад, дочь моя, что ты высказала наше общее мнение. Родион, наш дом всегда открыт для вас, – просолировал папа.

Потом пили чай с вареньем, ели фрукты. Родя внимательно следил за Ганей, какой прибор он берет, и вроде все получалось. После обеда Гавриил развел руками:

– Родя, у меня тренировка, теннис, я должен тебя оставить на попечение сестры. Она расскажет обо всем, что тебя интересует. В том числе и обо мне, но ты не всему верь, ее суждения субъективны.

Лада попрощалась с родителями и подошла к Родиону:

– Я вижу, что вы смущены. Приглашаю вас в свою комнату, там много проще. И я все объясню.

В комнате ряд книжных шкафов, небольшой белый роуль, зеркало в красивой раме с бесчисленными флаконами на тумбочке и телевизор.

Она усадила гостя в кресло, сама села напротив:

– Можно, я тоже буду звать вас Родей? – Лада заглянула ему в глаза.

– И на ты. Терпеть не могу игры в вежливость

– Нет, не сразу. Между мужчинами – да. Кстати, я должна извиниться, что случайно дала вам официальную карточку, у меня есть и другая, повседневная. Княжна – это правда, но мы только пытаемся восстановить общение знатных фамилий. К сожалению, Родя, наследники, если и находятся, то изрядно измельчали. Представьте себе, предки большевиками были либо уничтожены, либо приручены. Следующие поколения вынуждены были скрывать происхождение и вместе с тем терять нравы и традиции. Многие нивелировались под пролетариат. Я историк по образованию, только что экстерном окончила Московский университет. Наши предки были людьми очень заметными, большие посты занимали в государстве, в революцию сохранились лишь благодаря вмешательству Максима Горького. Наш прадед слыл крупным специалистом по статистике, его взяли в Совнарком. Наша прабабушка, судя по фотопортрету, была красавицей. Они суме-

ли сохранить часть драгоценностей и золотых изделий, потому выжили и их дети, и мои родители. Я не знаю, сумеем ли мы собрать достойных представителей древних родов, ведь сейчас титул князя или барона можно купить, и самостийная геральдическая палата нарисует вам и герб якобы родовой, и безукоризненную родословную.

– Так плюньте на все и бросьте! – Родион едва сдерживал себя. – Образованная умная девушка хлопчете за этих тупых и все потерявших.

Лада испугалась:

– Что вы, Родя, это очень важное дело. Мой папа считает, что эта власть весьма временная, у русских хватит ума, чтобы вернуться к монархии, а царя, как известно, играет свита. Мы должны собрать лучшие силы России в помощь будущему Государю.

Родя понял, что спорить нет смысла:

– Да мне вас жалко, только время потеряете. А для историка работы море. Я слышал от одного человека, что историю нашу исковеркали, извратили, подсунули нам пошленький вариант. Вот где надо копать. Ну, это ваше дело, простите меня, не мне вас учить.

Лада села за раскрытый рояль и стала тихо играть, этой музыки Родя никогда не слышал, она была спокойна и благодушна, и сама исполнительница скоро слилась с мелодией, смежила глаза, и звуки были все настойчивей, все призывней, Родя разволновался, вдохновенное лицо девушки было

столь доступно и так желанно, что он шагнул к ней и нежно коснулся сомкнутых губ. Лада вздрогнула, музыка пропала, она встала и четко сказала:

– Никогда больше не делайте этого.

Родион очнулся.

– Конечно. Я же не княжеского происхождения! – он пошел к выходу, путаясь в дверях, наконец увидел входящую девушку, ту, что обслуживала стол, слегка подвинул ее и вышел на площадку. Лифт, он никогда им не пользовался, увидел лестничный пролет, побежал по ступенькам и уже в вестибюле чуть не сбил стоящую у выхода Ладу. Она поймала его за руку:

– Родя, простите меня, ваш поцелуй был столь неожиданным, что я испугалась своей доступности. Что вы про меня могли подумать?

Родион осторожно высвободил руку:

– Уже ничего. Я ничего не буду о вас думать, как и предки мои, сибирские крестьяне, никогда и ничего не думали о князьях Бартеневых-Басаргиных. Я был дерзок сословно, но прав как мужчина, который видит красивую женщину и хочет ее поцеловать. Прощайте.

Он приподнял Ладу под локотки и поставил в сторону. На улице облегченно вздохнул.

Шел тротуаром и грязно матерился, что, как пацан, клюнул на блестяшку: «Княжна Лада Станиславовна! Обыкновенная баба, а строит из себя. Да в гробу я видел ваши благородные собрания!». Он сорвал галстук и сунул его в карман пиджака. Таким же быстрым шагом перешел площадь и оказался перед магазином, в котором делал покупки и встретил симпатичную девушку. Он ей точно понравился, да и она хороша собой. Ах, была-не была – зайду!

Девушка даже не скрывала, что рада его появлению.

– Обманщик, допытывался, когда рабочий день заканчивается, я выскочила, думала, ждет ухагор, а он в новый костюмчик вырядился и уже девушек соблазняет.

Родя развел руками:

– Ругай меня и можешь даже легонько ударить по щеке. Как тебя зовут?

– Настена, – с улыбкой ответила она.

– А я Родион. Видишь, как все просто. До восьми еще далеко. Повяжи мне галстук, а то я, как хулиган.

– Пройди в примерочную.

Она приняла галстук, подняла руки и приподнялась на цыпочках, чтобы переложить его через голову, но Родя охватил ее руками, прижав груди к самому лицу. Настена опустилась на всю ступню и они стали целоваться, нежно, крепко, не боясь, что кто-то войдет.

– Отпусти, у меня через полчаса смена кончается. К тебе поедем?

Родион тут же у магазина купил букет роз, остановил такси, вместе зашли в продовольственный магазин, набрали продуктов.

– Родик, а вина ты не берешь? – спросила Настена.

– Я не пью.

– А я бы выпила, – вздохнула она.

– Без меня. Терпеть не могу женщин с запахом.

– Да я так, для смелости, – Настена уже оправдывалась

Он обнял девушку за плечи:

– Смелости у нас хватит и без вина. Ты куришь?

– Иногда, – смутилась девушка.

– Никогда. С сегодняшнего дня. Согласна?

– Да с тобой я на все согласна, Родик, – преданно улыбнулась и чмокнула его в щеку.

Настена была удивлена скромностью квартирки, она думала, что такой состоятельный парень живет по крайней мере в трехкомнатной. К удивлению хозяина, она скинула платье, перетрясла холостяцкую постель, застелив свежей простыней, налила ведро теплой воды, нашла швабру и отдраила запущенный пол. Ушла в душ, вернулась, завернутая в простыню, и выдохнула:

– Сил нет терпеть, Родя, на кухне потом приберусь.

...Она лежала у него на руке и гладила непослушные волосы. Он молчал. Настена сказала, что она приехала из деревни, живет в общежитии, вот только что устроилась нормально, магазин хороший и зарплата приличная, можно даже ро-

дителям послать. Учиться собирается поступать в будущем году, но надо бы на бюджетное место, платить нечем. Сказала, что хотела бы замуж выйти за хорошего человека, детей нарожать, дом свой иметь.

– Я дура, правда? – она резко повернулась к Родиону. Он лежал, глядя в потолок. – Ты не слышал меня? – Настена хотела обидеться.

– Все девушки этого хотят, мужа, детей, дом. Если ты меня имела в виду, Настена, то напрасно, – спокойно сказал он.

– У тебя кто-то есть? – испуганно спросила она.

– Да, – ответил Родион. – У меня есть один человек, которому я многим обязан, и который не отпустит меня до конца жизни. Это мужчина, Настена, очень серьезный мужчина.

Она приподнялась на локотке:

– Что-то я тебя не пойму, Родик, ты вполне нормальный, и причем тут мужчина?

И тогда Родя рассказал ей все: про подростковую драку в деревне, про детскую колонию, про перевод на зону и про Доктора, который спас его и тем повязал навсегда. Настена испуганно присела на постели.

– Родик, откуда у тебя такие деньги? Ты бандит?

Родион усмехнулся:

– Пока нет, Настена, не бойся, а то посуда на кухне останется немытой.

Девушка заплакала:

– За что я злосчастливая такая, встретила хорошего челове-

ка, влюбилась, а ему ничего не надо, ни детей, ни дома. Родик, что мы теперь будем делать?

Он ничего не ответил, сходил на кухню, вернулся с двумя чашками кофе и плиткой шоколада. Стал тихо говорить о том, что будет. Пока будет так, что Настена переедет к нему, вечерами будет готовиться к экзаменам в институт. Где был Родя и что делал – ей знать не надо. Если кто-то придет и спросит, сказать, что ушел по делам, если останутся – вместе с ними ждать, но в окне на кухне задернуть правую занавеску. Начнут спрашивать – рассказать все про знакомство, про любовь, но ни слова о его прошлом, ты ничего не знаешь, а он ничего не говорил.

Вечером съездили в общагу, Настена собрала свои вещи, разложила в отдельном ящике шкафа. Началась совместная жизнь.

Бывакин вечером, как всегда, пошел в магазин за продуктами и увидел Гавриила. Ганя явно его поджидал.

– Здравствуй, Родя! Ты так внезапно исчез, ни адреса, ни телефона. Наконец, я вспомнил, где меня били, и пришел на это памятное место. Я правильно рассчитал, что ты появился тут не случайно, и часто бываешь. Вот, третий вечер караулю.

– Зачем? – спросил Родион.

– Родя, я не знаю, что между вами произошло, но Лада с ума сходит, она влюблена в тебя, я так понимаю. Она умница, красавица, но всегда была увлечена прошлым нашего

рода, хотя я так и не пойму, зачем все это ворошить? Она по этой причине вообще не имела контактов с парнями, ты первый, на кого она обратила внимание, и теперь уверена, что это любовь. Каково?

Бывакин не знал, что ответить. Эта княжна может вбить себе в голову все, что угодно, но Родя тут причем? Да, она ему понравилась, он даже пытался поцеловать, но получил такую отповедь! Гане сказал:

– Нет, Ганя, любви тут нет. Ты ее успокой. Я простой деревенский парень с темным прошлым и еще более темным и неопределенным будущим, что для княжны совсем не подходит.

Гане, видно наказано было без положительного ответа не возвращаться:

– Прости, Родя, она просила убедить тебя прийти к ней в гости. В крайнем случае дать свой телефон. Можешь?

Родион продиктовал номер домашнего и уточнил, что звонить лучше вечером, днем он занят делами.

Ганя не унимался:

– Ты знаешь, Родя, а как было бы здорово, если бы вы с Ладой поженились! Она добрая, спокойная, ласковая. Прости, но я почти уверен, что она любит тебя. А если ты вдруг отвернешься, эта девушка на все способна. Ты немного пообщайся с нею, а потом найдешь повод расстаться. Например, ты поехал в другой город или за границу.

Родион взял Ганю за грудки:

– Ганя, я не умею жить наполовину! Я или люблю или вообще не знаю этого человека. Да, Лада мне очень нравится, но лгать, искать момента, чтобы смыться... Давай подождем ее звонка, что она скажет.

Сегодня он должен снова пойти к банку и проверить, правильный ли вывод сделал о том, что это кассир крупного торгового центра и он каждый вечер в восемь часов в портфеле привозит дневную выручку. Бывакин в разных прикидах, в очках и с зонтиком, в шляпе и вязаной шапочке несколько раз проходил рядом с этим маленьким суетливым человечком и был уверен, что портфель не пристегнут к руке или брючному ремню. Уверен, потому что два раза видел, как человек перебрасывал его с руки на руку, когда закрывал дверцу машины. Родя проверил: водитель благодушно сидел на своем месте, словно пассажир пошел купить сигарет.

«Вот край непуганых миллионеров», – усмехнулся Родя и решил завтра портфель этот взять.

Собрав на пустыре всех своих компаньонов, он объявил, что с завтрашнего дня все они записаны в секцию «бои без правил», в подвале дома под кафе. Все оплачено, качаться и драться, а потом займемся оружием. Парни аж заповизгивали. Потом строго распределил обязанности на операцию с портфелем. Шурик стоит внутри банка у входа и тормознет всякого, кто будет выходить из банка. Вовчик смотрит за водителем и задержит его, если тому вдруг придумается пойти за хозяином. Лёха хватает портфель и бежит навстречу

движения транспорта, чтобы водитель не сумел развернуться и догнать. Сам Родя должен выбить портфель из рук этого плюгавенького человека и на минуту нейтрализовать его. Сбор у въезда в гаражи. Родя с деньгами уходит первым, остальные рассасываются, как могут. Вопрос о том, что он может скрыться с деньгами, никто не задавал, Родион сам на него ответил:

– Глупо бежать после первого дела. Еще неизвестно, что в портфеле. Вечером встретимся на остановке, еще раз обсудим. И знайте: сомнение в товарище – первый враг коллектива.

Без четверти восемь все были на местах. Бывакин в шикарном костюме с галстуком прошел во второй стеклянный тамбур и расстегнул свой портфель, якобы проверяя документы. Нужный человек пришел точно по графику, Родя выпрямился и мягким ударом в горло уронил его на пол, напарник схватил портфель и спрыгнул с крыльца. Родя выскользнул в дверь и ушел в другую сторону. У киоска «Мороженое» постоял, удивляясь, почему до сих пор нет милиции. Наконец, запела сирена. Все, дело в шляпе.

Уложив Настену спать, Родион закрылся на кухне и вывалил содержимое портфеля на стол. За час до этого в вечерних новостях сообщили о дерзком ограблении инкассатора крупнейшего банка. Родя подумал: знай он, что это – не кассир, на дело бы не пошел. В новостях сказали, что грабители действовали очень профессионально, жертв нет, как

и нет никаких примет нападавших. Чуть позже уточнили, что погиб сам владелец торгового центра, который каждый день лично сдавал выручку в банк. Родион разделил деньги на четверых и сложил в пакеты. Завтра ребята прямо из его портфеля возьмут каждый свою долю. О том, что все доли равны, Родя ничего говорить не стал, тем более, что в тот же вечер была названа сумма похищенного.

Бывакин даже себе не признавался, что ему льстило внимание такой девушки, как Лада, но он понимал, что из их отношений, даже если они и возобновятся, ничего не получится. Наверное, ей приятен сильный и симпатичный молодой человек, прилично одетый и умеющий вести себя за столом. Конечно, она не могла заметить, что Родя копировал все движения Гавриила, чтобы не допустить ляпа, который бы мгновенно разрушил в ее воображении образ романтического и близкого по духу юноши. Она настаивает, даже просит через брата о встрече, что едва ли приличествует ее статусу, и он должен пойти, чтобы все привести в порядок: да, Лада очень милая барышня, но Родя парень из иного круга, можно рассказать ей о придуманной семье в Новосибирске, о тюрьме и о беспросветном будущем, потому что с тюремной школой ему не сдать экзамены даже в техникум, точнее – в колледж. А потом заявить, что из-за болезни матери он вынуж-

ден будет навсегда покинуть город и вернуться в деревню. Бывакин был уверен, что после этого у барышни не останется никаких иллюзий.

Он набрал номер телефона и услышал ее мягкое:

– Да, вас слушают, говорите.

– Это Родион. Здравствуйте, Лада. Простите мне мою дерзость и не обижайтесь, я сам очень переживаю.

– Забудьте об этом. Я хочу сказать, что вам не в чем раскаиваться, я потом поняла, что вы поступили по порыву сердца, а это самое искреннее, на что способен человек. Потому я прошу вас, Родион, приезжайте к нам, я вас встречу, мне хочется с вами о многом поговорить. Нет-нет, никаких отговорок, я вас жду.

Придется ехать. А ведь манит, манит эта прозрачная девушка, живущая нереальной жизнью, хлопочущая о высоком обществе, которое должно окружить будущего Государя. А кто он? Из тех, кто сейчас рулит из Кремля, царя не собрать даже по крупицам. Родион покупал в киоске все газеты и быстро просматривал. Как он научился читать между строк? К этому подтолкнул Доктор, который брезгливо относился к газетам, телевизору и власти. Кажется, к любой. А читать заставила Аннушка, чистая душа и несчастная женщина. Он тоже хорош, уехал внезапно и забыл. Мог бы написать, была даже мысль вызвать ее и жить вместе, но одно за другое – и забылась Аннушка, которой стольким обязан. Ехал в автобусе и думал.

Лада, как и обещала, встретила у крыльца, смущена, щечки покраснели. Провела по пустому вестибюлю в свою комнату, усадила в кресло.

– Родион, я намерена говорить с вами серьезно. Вы умный и серьезный человек. Ваши родители хотели, чтобы вы стали врачом. А вы где собираетесь учиться?

Он посмотрел ей в глаза с улыбкой:

– В автошколе.

Лада оторопела:

– Не совсем поняла. При чем тут автошкола?

– Хочу получить права, чтобы водить машину.

Девушка явно обрадовалась:

– Прекрасно! Но я имела в виду учебу настоящую, например, университет или политехнический институт.

– Я еще не решил. Время есть.

Лада прошла по комнате, шурша обширной юбкой. Белая кофточка тоже была свободной, но Родя заметил и остренькие груди, и тонкую талию.

– Родион, вы современный молодой человек. Что для вас любовь? – она остановилась и глядела на него ясными голубыми глазами.

Парень растерялся. Говорить книжные слова – глупо, своих почти не было, да и не любил он по-настоящему никого. Так, привязанность, общая постель. Решил признаться:

– Лада, вы меня застали врасплох. Я не особо искушен в этих чувствах, все времени не было.

Лада наступала:

– Но вы верите, что любовь есть, и она движет людьми?

– Возможно, – Родион беспомощно развел руками.

– Ах, какой вы несговорчивый! Конечно, сегодняшние проявления чувств весьма далеки от идеалов наших предков. Тогда любили... , как бы точнее выразиться: светлее, чище. Любовь – это два человека, ставшие единым целым, это их мир, который ничто не способно разрушить. Вы помните декабристов? Помните жен и невест, которые отрунули все: богатство, покой, общество – и поехали к любимым в Сибирь. Или вы думаете, что это красивые легенды? Нет, Родион, это чистая правда.

Она открыла шкаф и вынула несколько папок, на лицевой стороне гость заметил царский герб.

– Я собрала много документов по своему роду, и среди них несколько писем прапрапредков, из девятнадцатого века. Они написаны не весьма разборчивым подчерком, потому я дам вам только те, что успела перепечатать на машинке. Уверяю вас, это не фантазии, это документы. Я разрешаю вам их прочесть.

Лада подала несколько листов и включила верхний свет.

– Читайте, а я приготовлю чай.

Бывакин начал читать и сразу захватили его тот дивный старый стиль и душевная, искренняя манера обращения и изложения событий, мыслей и чувств.

Письмо первое.

«Здравствуйте, дорогая моему сердце Екатерина Сергеевна, жена моя венчанная и друг до конца дней моих. Первое письмо разрешили мне власти тюремные отписать, и ко-му я его адресую, акромя Вас, родной и любимой. В пер-вых строках сообщаю Вам, что страдания наши на этапе за-кончились сравнительно благополучно, но многие десятки несчастных не выдержали пешего перехода, особливо в зим-них месяцах, когда за Уральским камнем холода и ветры та-кие, каких в Петербурге не бывает никогда.

Любезная Екатерина Сергеевна, тот адвокатишка, кото-рый взял с Вас сто рублей ассигнациями, так и не сделал ничего, больше того, он и не пытался сделать, чтобы хоть как-то облегчить мою и Вашу участь, укоротить срок катор-ги или даже добиться оправдания. Я в пересыльной тюр-ме встретился со многими людьми, которые уголовное дело знают не хуже господина городского прокурора, они уверя-ли, что ретивый защитник мог бы мое дело кончить в нашу пользу, тогда бы и быть нам вместе, а теперь нельзя. Долгих пять лет – выдержите ли Вы сие испытание, ниспосланное нам Господом? Я уж не говорю о себе, ибо знаю, что все снесу, все переживу, только бы мне увидеть и обнять Вас, доро-гая Екатерина Сергеевна.

В Екатеринбурге железная дорога окончилась, нас со станции завели в пересыльную тюрьму, разрешили пости-рать белье и отремонтировать одежду, у кого нужда. Потом

сводили в баню. Конечно, голубушка, баня грязная, шайки сопрели, лавки гнилые и даже проламываются. Но была горячая вода, и какое блаженство после нескольких недель без мытья растереть свое тело своей же нательной рубашкой. Три дня нас держали, потом объявили, что будет пеший переход до Омска. Насколько я помню по карте, это более трехсот верст. Это уже апрель, снег сходит, солнце яркое и чистое, но дороги разбиты, и идти нету сил. В первый же день почти все каторжники разбили напрочь свои сапоги. Ночевали в деревенском сарае, кто чем мог, ремонтировал обувь свою, а потом пришли крестьяне, принесли шилья и дратву, это такая нитка суровая, смазанная варом, чтобы не прела. Принесли и свою старую обувь, которая оказалась годнее нашей. Кое-как пошли дальше.

Пропитание выдавали на весь день, сухари и рыба сухая, но и этому рады. С каким бы удовольствием откусал я черного ржаного хлеба, который выпекает Анфиса специально для прислуги! В иных местах останавливались и варили кашу, горячая пища нужна человеку в таком положении более всего, но конвойное начальство не очень благоволит, да и как его обвинять, если каждый день случаются побегии. Меня тоже соблазняли в местечке Тюмень, но я наотрез отказался. Бежать – значит быть под законом, без документов и не сметь приблизиться к Вам, Екатерина Сергеевна, а сие противно сознанию моему.

А потом, это уже в мае, все мы заболели неприятной бо-

лезню, да столь повально, что и двигаться колонна не могла. Начальник конвоя умный человек, сообразил, что дело, видимо, в провианте, подсунул купец и рыбу протухшую, и крупу пропащую, а для конвоя провиант закупали в другом месте, солдаты хоть бы что, а каторжные все, простите за натурализм, на кукорках сидят. Рядом село большое, приехали мужики, спрашивают начальство, что за народ ведут. Отвечают, что всякие преступники, вплоть до убийц. А те интересуются, нет ли среди нас революционеров и террористов. Ответили, что Бог миловал. Тогда мужики говорят, что сей же час организуют хороший обед, а начальнику советуют корм этот гнилой выкинуть, староста сельский печать приложит к документу об этом, а начальству с солдатами ехать в уезд и там получить новый провиант. Нас от поноса вылечили быстро, в бочонках привезли отвар трав всяких, мы по ковшику выпили и как рукой сняло. А потом стали нас кормить щами со сметаной и белым хлебом, а после и кашей просяной, мы такую ещё не знаем. Масла лили в кашу черпаками, очень славно. Потом всех в сон кинуло, а после начальник построил нас и сказал, что вынужденно уезжает, а чтобы мы не разбежались, по совету деревенских мужиков заведут нас в лог, откуда выход только один, тут и будет охрана.

Пошли мы к этому логу. А надо Вам сказать, родная моя, что край этот чудесный: река протекает широкая, называется Ишим, а далее луг заливной с высокими травами, а потом крутая гора, надо полагать, что это берег бывшего здесь мо-

ря или огромной реки, вот в этой горе и образовались лога и овраги. Тот лог, к которому нас подвели, поистине страшен: стены отвесные, даже в самом истоке, на дне ручей с хорошей водой. Один каторжник обратился к начальнику и мужикам, которые нас сопровождали с такой просьбой: чтобы нам здесь без дела не сидеть, пусть мужики везут лопаты и ведра, а сами едут к ближайшему лесу и копают малые берёзки. А весь этап поделить пополам, и вывести на берега этого лога, и пусть солдаты отойдут на сто шагов, если кто побежит – стреляй. Он оказался ученым человеком, разметил, где ямки копать, каким размером, и за день мы обсадили весь этот лог малыми березками. Лог местные называют Лебкасным, видимо, берут тут левкас для побелки домов своих, но лебкас им ближе по произношению.

Милая Екатерина Сергеевна, не могу найти таких слов, чтобы выразить степень тоски моей по Вам, по нашему дому, по нашим прогулкам в саду в деревне и по Невскому в городе. Теперь мне это как сон, думать об этом боюсь, потому что сразу в голову приходят мысли о Вашем положении и состоянии. На сем заканчиваю. Станете мне писать, заложите в пакет чистой бумаги, тут можно достать, только серой и грубой, на таковой не хотел бы я излагать светлые свои чувства. Прощаюсь, душа моя, и жду вашего ответа, чтобы исцеловать и слезьми облить те листочки, какие вы держали в своих нежных ручках.

Ваш муж Алексей Кириллович.

Ноября 10 дня 1882 года».

Письмо второе.

«Дорогой мой муж и вечный жених Алексей Кириллович, припадаю к Вашим ногам, чтобы приподнять своими слабыми усилиями Ваши оковы и хоть на минутку сделать Вам облегчение. Все Ваше письмо я зачитала на память, матушке и батюшке вашим только пересказала, ибо не совсем было бы благонравно читать им о Ваших чувствах, которые касаются только нас. В доме у нас все покойно, только есть одно дело, кое не имею права решать без Вашего на то согласия. Милый муж мой, последняя ночь, которую добродушный начальник пересыльной тюрьмы за скромное подношение и под честное благородное позволил Вам провести дома, навсегда будет теперь в нашей памяти, и не только потому, что эта ночь была еще больше чистой и страстной, чем первая наша ночь после венчания и свадьбы, а потому, что Господь благословил нам дитя, и я несу его под сердцем своим. Теперь я хотела бы испросить Вашего совета, оставаться ли мне в таком интересном положении у родителей Ваших, которые, я в том уверена, окружают меня поминутной опекой, либо переехать к своим в деревню. И мысли не имею хоть сколько обидеть Ваших родителей, только дома мне было бы покойней и проще. Но в городе я скорей получу Ваши письма, чем в деревне, да еще и потеряют пьяные ямщики. И к тому же в городе доктора рядом, Иван Христофорович регулярно посеща-

ет батюшку Вашего, через матушку, ибо самой еще совестно, узнаю от него, кто изрядно понимает в женских делах, чтобы при нужде можно было вызвать и получить помощь. Ребенка я еще не чувствую, только тошнит временами и совсем пропал аппетит. Матушка Ваша, спасибо ей, спасает меня, как умеет, а батюшка только с любовью смотрит и улыбается.

Погода в такое время всегда мерзкая, снег с дождем, пешком кроме работного люда никто не ходит, ежели только в санках да на извозчиках, лошади все кованы, но и те, бывает, скользят и распластываются среди улицы. Я давеча в окно видела, как одну несчастную дорезали ножами и всю мостовую угоили в крови, мне сделалось дурно, и я отошла. Про случай наш уже не сплетничают, три дня назад приезжала к родителям Антонина Бонифатьевна, чай пили все вместе, она меня очень успокаивала, вот и сказала, что в обществе уже не вспоминают случившееся. А у меня с ума пойдет то несчастье, по которому выпала нам горькая разлука. Любимый мой Алексей Кириллович, без вины я пред Вами виновата, и казнию себя за то, что в тот злосчастный вечер не отказалась ехать в собрание, было у меня предчувствие недоброе, сердце подсказывало, только мы едва ли верим своему сердцу. Пропишите мне, чем я могу помочь Вам, кроме писем этих столь редких по какому-то глупому уложению, что в столь тяжкой разлуке супруга может толичко одно письмо за месяц сдать на почту.

Батюшка мой сообщает в письме, что дома все, слава Богу,

благополучно, хлеб уж домолачивают на гумнах, рожь нынче удалась, чем мужики сердечно довольны. Уже и по традиции смололи на жерновах зерно нового урожая и испекли хлебы. Я тоже отведала корочку, очень ароматно и вкус удивительный. Батюшка всем простил долги семенные и прочие, просил молиться за нас с Вами и за благополучное Ваше возвращение. Пишет, что хворал ныне, старая рана баязетовская открылась, две недели не вставал, теперь улучшение, и даже ездил в гости к другу своему Артему Герасимовичу, коего Вы должны помнить, он на свадьбе нашей изображал турецкого султана, чем изрядно всех повеселил. Матушка все по дому, в субботние дни, как и при моей бытности в девичестве, собираются в людской девушки крестьянские, и матушка учит их грамоте, чистоплотности, приличным манерам, чтобы знали, как вести себя, когда приличные люди приезжают, как с парнями деревенскими себя блюсти, а то взяли моду до свадьбы познать ложе супружеское. По той причине случилось уже в нашей деревне убийство из ревности молодого мужа, коего невеста его хотела обмануть. Да, пишет матушка, трех жен на первом году изгнали мужья из дому, и все по той же вине. Боюсь только, что матушкины уроки едва успеют за падением благочестия и порядочности, которые уже обществу безразличны.

Родной мой Алексей Кириллович, простите меня за пустяки, коими заполняю я страницы письма к Вам, но ничего другого не могу себе представить, коль откажусь от описания

дел мирских и даже посторонних, кроме как в каждой строке писать, как люблю Вас, как тоскую, как виню себя. Целую Вас крепко и нежно глажу ваши щеки, уши, Ваши шелковые волосы. Вы снитесь мне каждую ночь, но так невнятно, что кроме того, что был сон, и Вы были в нем, я ничего путного не могу вспомнить. И пусть, зато в душе остается нежность и сладость.

Остаюсь Ваша жена Екатерина Сергеевна.

Санкт-Петербург, 30 ноября 1882 года».

Письмо третье.

«Милая Катенька, так и буду тебя теперь называть, потому что нет нам нужды придерживаться общественных манер и правил, я так по тебе тоскую, что иначе, чем Катенькой и звать тебя не могу. Спешу поблагодарить тебя за великую радость, которую ты так мило описала. Будь осторожна и во всем слушай маменьку, она родила пять раз, потому все тонкости ваших женских состояний знает. Как я хочу быть с тобой рядом, припасть к твоей груди, целовать животик твой и слышать шевеление нашего малыша. Любовь моя, ты напрасно терзаешь себя мнимой виновностью, твоей вины нет нисколько, а что касается меня, то я ни в чем не раскаиваюсь, знай я в тот момент о возможной расплате, поступил бы ровно так же, как и в действительности. Честь моей жены и моей семьи превыше свободы и даже жизни. Но не будем об этом. Описывай мне свое состояние, поведение нашего

ребенка, мне от этих слов светлее и легче на душе.

А еще хочу сообщить тебе новость удивительную. Приехал в нашу тюрьму чин из здешней губернии, мы, конечно, об этом ничего не знали, потому, как никто из охраны с заключенными не разговаривает. Только вечером, когда вернулись с работ в барак, прибежал офицер и крикнул мою фамилию. Я, как положено, ответил, и велел он мне следовать за ним. Пришли в большое здание тюремной конторы, поднялись на второй этаж, там очень славно: на подоконниках широких цветы разные стоят, как у наших мужиков в деревне, герани всякие и прочая ерунда, но моей душе очень приятно, потому что прекрасного я уже полгода не вижу, только грязь, брань и разврат.

Подвел меня офицер к большим дверям и велел стоять молча. Странное дело, но никаких мыслей у меня в ту минуту в голове не было, потому что невозможно было предположить что-либо разумное о причинах столь странного вызова. Здесь, родная моя, больше всего боятся наказаний за провинность, но я за собой никакого греха не предполагал, потому стоял и ожидал вызова. Наконец, дверь отворилась, и меня впустили в большую залу, уставленную вполне приличной мебелью и даже с коврами. Сапоги свои я основательно и тщательно почистил у входа, но ступать на ковер поопасался, остановился у входа. Два больших чина сидели в креслах, один, видимо, начальник нашей тюрьмы, сказал другому:

– Вот, Густав Иванович, это и есть Басаргин Алексей Ки-

риллович, осужденный по известному Вам делу.

– Благодарю Вас, господин полковник, – ответил тот, кого назвали Густав Иванович. – А теперь попрошу Вас оставить меня наедине с осужденным.

Начальник вышел, Густав Иванович показал рукой на кресло:

– Проходите и садитесь, разговор у нас не на одну минуту.

Я сел, вижу, что перед господином лежит сшитая суровыми нитками картонная папка с несколькими бумагами внутри. Господин поднял на меня глаза:

– Я генерал Гитляйн, Густав Иванович. От имени Государя Императора поставлен для контроля законности при содержании преступников, а так же рассмотрения особых ходатайств по наиболее сложным делам. Суть вашего дела мне известна из сих бумаг, но я бы хотел услышать ее от вас, ибо часто написанное второпях и без нужной тщательности в расследовании сбивает с толку. Так и в вашем деле мне надо уяснить только одну деталь. Вы можете рассказать все по порядку?

Представь себе, любимая моя, как я растерялся, голова пошла кругом, я чуть было не лишился сознания, но взял себя в руки и стал говорить. Я тебе опишу все, как было, ведь каждое слово свое я помню и даже интонацию. Я сказал:

– Господин генерал, в тот вечер я и супруга моя Екатерина Сергеевна были приглашены в дворянское собрание на бал по случаю окончания Великого поста и наступления Святой

Пасхи. Гостей было довольно много, весь пост никаких собраний не случилось, потому все радовались встрече и то и дело подходили к столу с винами и закусками. Я воспитан в строгих правилах, потому вином не интересовался, но дважды подходил к столу, чтобы взять супруге пирожное и мороженое. Оба раза я видел молодого человека в компании своих товарищей, которые без излишней скромности наливали бокалы столь часто, что следовало ожидать их скорого опьянения. Никого из этих господ я не знал и знать бы не желал никогда. Но они меня заметили, и довольно бесцеремонно комментировали, для кого это я беру мороженое и пирожное. Мы с женой стояли у окна, изредка раскланиваясь и здороваясь со знакомыми людьми и говоря о пустяках. Вскоре музыканты вышли на балкон, зазвучали вразнобой инструменты, оркестр настраивался. Наконец, появился дирижер, и ударил вальс. Я пригласил супругу на танец, мы вальсировали, но мне показалось, что та компания перешла к месту, где мы с супругой сидели, и встала рядом. По окончании танца мы прошли на свое место и оказались в опасной близости от изрядно нетрезвой компании. Когда объявили следующий танец, молодой человек, на которого я еще у столов обратил внимание, подошел к нам и попросил у меня разрешения пригласить мою спутницу, как он выразился. Я вежливо отказал.

– Что именно вы сказали, в каких словах? – спросил генерал.

– Извольте. «Милостивый государь, я не могу дать вам согласия на танец с моей женой, потому что вы пьяны». Вот так я сказал.

– Продолжайте, – кивнул генерал.

– Молодой человек как-то нехорошо улыбнулся, весьма неискренне извинился и ушел. Жена просила меня немедленно уехать, но тут объявили полонез, и мы встали на первую фигуру.

Велико же было мое недоумение, когда рядом увидел того молодого человека в паре с не внушающей уважения девицей, ведь в ходе танца происходит обмен партнершами, и моя жена окажется в руках этого человека. Но отступить было поздно, танец шел своим чередом, когда я услышал голос моей Катерины: «Негодяй!», потом звук пощечины. Я оставил свою партнершу и бросился в середину залы. Моя жена стояла, опустив голову и сжимая на груди разорванную кофточку. Молодой человек улыбался и со смехом рассказывал, что эта дама сама совращала его, а когда он сунул руку под кофту, устроила спектакль. Я едва нашел в себе силы не ударить его сразу, обнял жену и громко сказал:

– Милостивый государь, немедленно извинитесь перед дамой, иначе получите урок воспитания на всю оставшуюся жизнь!

Он нагло мне ответил:

– И не подумаю. Лучше воспитывайте свою распущенную жену.

После этих слов я ничего не помню. Господин генерал, я три года служил на Кавказе, там нельзя быть размазней, сразу погибнешь, потому пришлось много работать над силой и ловкостью. Я ударил наглеца, как мог, его подхватили товарищи, я откланялся, и мы с супругой уехали домой. А утром горничная постучала в спальню и со страхом сказала, что внизу меня ждут полицейские. Оказывается, негодяй умер от сотрясения в голове, но более всего поразило, что он был сыном начальника канцелярии правительства Его Императорского Величества. Меня арестовали, никого, кто бы мог быть объективным свидетелем, среди десятков гостей бала не нашлось, и получалось, что я в приступе ревности нанес партнеру жены по танцу смертельный удар. Показать следователям разорванную кофточку я решительно не мог, это унижало бы и оскорбляло мою жену. Так возникло это уголовное производство, по которому я оказался здесь.

Генерал слушал меня внимательно и что-то помечал в большой тетради.

– Откуда Вы родом? – вдруг спросил он.

– В Курской губернии есть имение Смольниково, это наше родовое гнездо.

– Вы служили в действующей армии. По собственной воле или иные причины?

– Господин генерал, нас в семье четыре сына, трое служили, младший не допущен по причине слабых легких. Так нас воспитал отец, майор в отставке.

Генерал насторожился:

– Он в турецкой кампании не участвовал?

– Так точно, участвовал, господин генерал!

– Братец ты мой, Ваш батюшка командовал батареей у меня в полку. Мы с одного котелка кашу ели, одной шинелью укрывались в непогоду. Он был ранен довольно тяжело, кажется, под Баязетом, и отправлен в тыл. Он жив?

– Так точно, жив, господин генерал!

– Отпишите ему от меня поклон. Теперь по вашему делу. Напрасно вы считаете всех гостей того бала людьми трусливыми и безразличными. Я получил документ, подписанный десятком человек, которые утверждают, что вы вступились за честь своей жены, и убийство – это роковая случайность. Характеристика покойному дана весьма и весьма нелестная. Кроме того, выяснилось, что следствие, мягко говоря, не было свободным от посторонних влияний, как, впрочем, и суд, чему есть документальные подтверждения. Таким образом, дело Ваше будет пересмотрено, полагаю, с учетом перенесенных Вами испытаний суд вправе оставить Вас на свободе.

Милая Катенька, я за малым не лишился чувств. Генерал подал мне стакан воды и позвонил в колокольчик. Вошел начальник тюрьмы.

– Господин полковник, Артем Родионович, мне в совершенстве все доподлинно ясно, дело господина Басаргина будет пересмотрено и, я уверен, решится в его пользу. Но – до отмены приговора он остается в вашем учреждении.

Только я попрошу: дайте ему комнату в этом здании, обеспечьте нормальным питанием. Он военный человек, образован, может помочь вам в каких-то вопросах. Я не думаю, что мои просьбы сверх Ваших возможностей.

– Все сделаем, Густав Иванович, не извольте беспокоиться.

– Когда придет вызов из столицы, отправьте господина Басаргина без конвоя, деньги на дорогу семья ему пришлет.

– Все сделаем, господин генерал!

– Вот и славно, – генерал пожал мне руку и еще раз просил передать поклон батюшке.

Дорогая моя Катенька! Молись за здоровье раба Божия Густава, он хоть и из немцев, но, думаю, что крещен в нашей вере. Береги дите наше, не переживай, не знаю, как скоро, но встреча наша случится ранее, чем мы считали».

И чай уже остыл, а Лада все сидела у стола и ждала слов Родиона. А он молчал. Молчал потому, что прочитанное было ему так понятно, что даже Ладе не передать, и в то же время это была сказка. Он даже во время чтения ни на мгновение не мог допустить, что вот это он, Родя Бывакин, пишет письмо своей возлюбленной, которую надо еще придумать, и она шлет ему такие ласковые слова, каких Родя не слышал и никогда не услышит.

– Сказка, – сказал он. – Все это красивая сказка.

Лада улыбнулась:

– Не верится, правда? Родя, я хочу отбросить все приличия и сказать вам, что, если бы вы оказались в тюрьме, я бы писала вам такие же письма. Я влюблена в вас. Молчите! Мое признание не может показаться вам навязчивым, оно ни к чему вас не обязывает. Не знаю, что вырастет из этой влюбленности, но я бы хотела, чтобы вы знали.

Парень тоже улыбнулся:

– Лада, сейчас вы поймете, как ваши романтические фантазии разбиваются о жестокость реальной жизни. Вы влюблены, это ваши слова, так вот, вы влюблены в образ, который создали из удачной драки, модного костюма и вполне приличной физиономии. А в действительности я сидел в тюрьме, жрал гнилую картошку, обслуживал бригадиров, десятников и просто бандитов. Вы живете иллюзиями, а я в гуще каждодневной жизни с ее грязью, обманом, воровством, подлыми ментами и дешевыми девушками. Нас разделяют не деньги, они у меня есть. Нас века разделяют, в которых столь разные ценности, что мы с вами никогда искренне не пойдем друг друга. Лада, ваш будущий возлюбленный сейчас смазывает бриолином волосы и выщипывает брови. Я не вашего круга, потому не ищите встречи со мной, к добру это не приведет.

Он встал, сдернул со спинки кресла свою куртку и вышел. Лада не сказала ни слова.

В обед решил сходить на рынок и купить мяса, просто наварить кусками и есть без хлеба. Ну, захотелось, пришлось идти. Настена, конечно, заворчит, что приготовленный суп и котлеты в холодильнике остались, но это ее дело. От нечего делать долго ходил по мясному ряду и выбирал. Наконец, ткнул пальцем в приличный кусок:

– Прикинь, во что обойдется?

Продавец, молодой мужик в белом халате, положил кусок на весы и назвал цену. Родион подал деньги и они встретились взглядом.

– Родя? Здорово!

Бывакин настороженно вглядывался в знакомое и полузабытое лицо, потом засмеялся:

– Саня, Связин! Ну, молодец, как дела, как деревня?

– Да какие теперь дела, Родя? Деревня хизнула, колхоз растаскивают, и никому дела нет.

– Мать мою видел?

– Жива и здорова, приеду, привет передам.

– Конечно. Что в деревне нового?

– Да ничего! Во! Чуть не забыл. Ты Гриньку Апрошкина помнишь, его в Афгане убили, так вот, оказывается, не его зарыли, а другого. Говорят, экспертизу какую-то делали в Ростове в морге, и нашли Гриньку. А сколь годов-то прошло? Вот, везут, Гриньку в могилу, а того несчастного по другому адресу, вроде как в Курганскую область, тоже деревенский.

Вот к чему это все? А матере какво? Ее вон водой отливают, медичка из дому не выходит.

– Понял, Саня, до встречи.

Что же получается? Завтра могилу будут вскрывать? Родю колотила нервная дрожь: ладно, что встретил Связина, вовремя мяса захотел, а если бы нет? Кто бы мог подумать, что могила – не самое спокойное место между тем и этим светом? Позвонил диспетчеру такси, с которой часто общался, заказал машину:

– Надюша, понадежней, потому что мне срочно надо в деревню, Лебедево, запиши. Расчет само собой, с водилой сразу, с тобой завтра к обеду. Жду.

Мощный тесак, которым разжился на рынке по случаю, положил в портфель, полный бумажник сунул в карман куртки, застегнул молнию. Настену успокоил, что в деревне не все ладно, мать придется в больницу везти. Вышел во двор, машина стояла у подъезда, да и водитель оказался знакомым:

– Что тебя на ночь глядя в деревню понесло?

– Дела, брат. Ты отвыкай вопросы задавать, – посоветовал пассажир.

– Понял. Едем?

Родя кивнул. Ни одна живая душа не должна знать, что он откопал и куда все увез, потому спланировал, что водителя оставит в центре села с наказом никуда не трогаться, сам переулком уйдет на вторую улицу и вернется на кладбище,

мимо которого только что проехал.

– Ждать долго?

– Простой оплатчу. Бабу свою мне надо проверить, понял?

– Понятно. Не завидую я тому мужику.

– Закройся и спи, я стукну.

Прошел переулком и бесшумно бегом побежал за село. Подошел в воротам кладбища, хоть и всякого в жизни на-смотрелся, а не по себе, жутковато. Отринул страх, все равно он ни в какое сравнение не идет со взглядом и вопросом Док-тора «Где деньги, Родя?». Вошел под вековые сосны, остро-рожно обходя бугорки и оградки, подошел к могиле Грини Апрошкинова, хотя уже знал, что не его прах тут сохраняется. Обошел с восточной стороны, опустил на колени, те-сак стал выгребать глину из-под памятника. Помнил, что пакет положил далеко, потому копал без опаски. Потом засу-нул руку по самый локоть, добрался до целлофана, потянул – и вот он, портфель Доктора. Ощупал, открыл оба замка – все на месте, как он уложил. Так, вместе с комочками гли-ны, которые не поддались обтирке носовым платком, сунул Докторский портфель в свою сумку. Тесак оказался лишним, Родя со всего размаху запустил его в сторону канавы и слы-шал, как он прошумел сквозь куст черемухи.

Возвращался спокойно, подошел к машине, стукнул в стекло. Водитель щелкнул дверью:

– Ну, удачно? В смысле – захватил с кем?

– Одна, – нехотя ответил Родион.

– Ну, так пришлось... – водитель выразительно поиграл пальцами.

– Язык прикуси! – дернул Родион.

– Понял. Ехать?

– Ехай.

Теперь новая проблема не давала покоя: куда с этой поклажей? Доктор будет только через полтора года, все это время хоть сиди на этих деньгах. В городе спрятать негде, кругом люди, каждый день что-то строят, роют бульдозерами и экскаваторами. На другой день снова позвонил Надюхе, прихватил с собой портфель и заехал в диспетчерскую.

– Надя, мой заказ у тебя записан?

– Это что, народный контроль? – огрызнулась она.

– Я спросил. Покажи журнал.

– Родя, не сдавай меня, тоже заработать хочется. Не писала я тебя. А надо было? – Она с надеждой смотрела на клиента. Он ответил примирительно:

– В том-то и дело. И забудь навсегда, что я ночью ездил в деревню. Водилу я уже напугал. И тебе вот зелененькая. Узнаю, что звонишь – язык отрежу. Доходчиво поясняю?

– Поняла, Родя. Могила. – Надюша перекрестилась.

– Сама сказала. Так и будет.

Поехал к хозяйке снятой квартиры, предложил продать ему эту хату. Старуха заерепенилась, но, когда Бывакин положил на стол несколько пачек из грабанутой банковской сумки, остепенилась, пересчитала и согласилась по-

ехать к нотариусу. За одну зеленую ушлый молодой человек быстро оформил все документы и поздравил клиента с покупкой, правда, клиент больше ничем не отреагировал. Родя отвез старушку домой, посоветовав деньги перевести в баксы и хранить только в банке. Заехал в строительный магазин, купил целый ящик инструментов, два рулона приличного полового покрытия, по пакету цемента и песка. Все это попросил водителя помочь внести в квартиру, в тот же вечер Настену отправил в общагу к девчонкам, вручив ей приличную сумму на вечеринку, но тихонько предупредил: если вздумает крутануть на старой площадке, то однажды она потеряется, и никто искать не будет. Настена сделала испуганные глаза, поцеловала Родю и уехала. Двое суток были у него в запасе.

Бывакин аккуратно снял линолеум, поднял все половые доски, осторожно простучал панели перекрытия. Ударил стальным зубильцем в намеченном месте – угадал, пазуха. Расширил отверстие, обследовал всю открывшуюся полость: все чисто. До этого тонкостенную полиэтиленовую трубу чуть меньшего диаметра, чем пазуха плиты перекрытия (специально зашел на стройку с рулеткой) запалял пластиковой заплатой с одной стороны, выпотрошил Докторский портфель и свернутые тугими рулонами доллары стал укладывать в трубу. Закончив, припаял и вторую заплату. Контейнер готов. С трудом просунул его в отверстие, закинул как можно дальше, развел немного густого раствора, заделал отверстие,

потом целый тазик жидкого раствора щеткой растер по всему перекрытию. Дождался, когда все подсохло, и остался доволен: сам не сразу определил, где закладка. Специально принесенное ведро песка с землей и строительным мусором растряс по всей площадке. Получилось убедительно: тут так было всегда с момента новоселья. В плахах выправил старые гвозди и аккуратно вставил их в старые же отверстия. Отоспавшись, раскроил половое покрытие и посадил его на надежный клей. Докторскую сумку разрезал на мелкие куски и скинул в разные мусорные контейнеры.

Пришедшая к вечеру второго дня Настена была в восторге: какую красоту подарил ей возлюбленный. Но Родя так устал, что не реагировал на ее комплименты и даже пытался повернуться к стенке и уснуть, пока она была в ванной, но Настена так к нему прижалась и так нежно мурлыкала в ухо, что пришлось разворачиваться.

– Ну, вот, а то я уж стала думать, что ты не один тут ковры стелил...

Наступала осень. Первая городская осень Бывакина. На зоне ее приближение чувствовалось по сырости и прохладе в бараке, по обилию капусты в побитых алюминиевых тарелках, по жалобному крику журавлей, они словно специально ночами пролетали над зоной и грустно прощались с ее

обитателями. Вспоминалась деревня, школа, дружные походы на картошку в колхозные поля, безногий учитель немецкого Эмиль Иванович, безжалостно обличавший недобросовестных копальщиков, нащупав своей тростью оставленный в твердой земле клубень. А еще костер, в котором пекли картошку, а потом все вместе ели, разламывая подгоревшую корку и посыпая крутой солью пушистую от крахмала мякоть. К концу дня все разбрелались, старшеклассники обнимались в ближайших кустах, размазывая по щекам друг друга угольные следы от картошки.

Родя после удачной работы в банке отпустил парней, сказал, что больше ни в чем участвовать не будет, есть серьезные дела, но они ходят на тренировки и качают мышцы. Через месяц обещал проверить. Настена в институт не поступила, но и не особенно огорчилась. Работала в том же магазине, дома блюла порядок, научилась вполне прилично готовить. Родион заметил в ней и другие перемены, но не придал им значения. Вечером в постели Настена включила большой свет:

– Родя, у нас будет ребенок.

Родион промолчал, потом переспросил:

– Ты об этом только сегодня узнала?

– Нет. Но боялась тебе говорить.

– Сегодня насмелилась?

– Родя, ты разве не рад этому? – вдруг испугалась Настена.

Родион встал, накинул на себя рубашку:

– Ребенка не будет. И тебя тут больше не будет. Собери свои вещи и переезжай в общагу.

Настена заревела в голос, Родя встал, на кухне заварил крепкий чай. Настена вошла, села напротив:

– Куда я пойду, Родя? Зачем ты так со мной? Я же думала жить. И куда я с ребенком?

– В больницу. Там знают, что делать. Денег я дам. Все, уходи, завтра переедешь.

– Родя, а ты куда, ведь ночь? – она цеплялась за последнюю соломинку.

Он ничего не ответил, последним троллейбусом доехал до гостиницы и снял номер на пару дней. В роскошной свежей постели не спалось, Настену было жалко, она добрая, симпатичная. Родион вспомнил, как в деревне мужики учили: «Бери бабу такую, чтобы в доме была хозяйка, на улице красавица, чтобы другим глянулась, а в кровати чтобы продыху тебе не давала». Родя хихикал вместе с другими ребятами, не имея ни малейшего представления о трех важнейших качествах женщины. Теперь он мог сказать, что Настена отвечала всем требованиям. Но не вовремя все это! Сейчас ему не хватает только семьи. Придет Доктор, начнутся такие дела, что и про жену и про детей забудешь. Он оправдывал себя, что она сама виновата, надо было что-то предпринимать, не девочка. Думать о ее будущем боялся и не хотел. Да, жестоко, но у него путь такой, стезя, как говорил Доктор, и тут не место мирихлюндиям. Все врачи сде-

лают, денег он оставил, через неделю будет как новенькая...

Утром заметил двух молодых людей, которые уж очень подозрительно точно шли по его следу. Специально прошел тротуаром мимо своего дома, свернул в подворотню и встал за кустом. Двое прошли мимо, оглядываясь: «Ага, потеряли! Неужели менты? Нет, те взяли бы сразу, сбили с ног, цокнули браслетами и поволокли. Кто тогда?». Родион вернулся, прошел до магазина и вернулся обратно, навстречу ребятам. Метрах в трех остановился, рука в кармане, хотя, кроме носового платка, там ничего нет.

– Вы ко мне с интересом? – вызывающе спросил молодых людей.

– Один вопрос. Ты Родион Бывакин? – говорил, видимо, старший.

– Отвечаю.

– Тогда мы к тебе. Надо бы местечко найти поуютней. Может, в кафе?

Заказали по чашке кофе, Родя проверил:

– А по сотке?

– Нет. Не сейчас, – строго ответил старший. – Родя, я Жид, потому что еврей наполовину, он Физик, в институте учился. Нас вызвал смотрящий, велел тебя найти и привести к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.